

Научная статья

УДК 94(470)''190/191''Столыпин

doi: 10.47475/2542-0275-2024-9-1-56-65

СТОЛЫПИНСКАЯ АГРАРНАЯ РЕФОРМА И ЮЖНЫЙ УРАЛ: НЕОЦЕНЁННЫЕ ИТОГИ

Павел Флорович Назыров

Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия, pfnazyrov@mail.ru, ORCID 0000-0003-0431-1431

Аннотация. Социально-экономическая эволюция российского села в начале XX в. происходила под влиянием столыпинской аграрной реформы, определившей общий вектор модернизационных процессов как на российском, так и на региональном уровнях. Их сравнительное рассмотрение позволяет конкретизировать общие представления, увидеть не только противоречия, но и действительное восприятие, «отклик» деревни на правительственный курс, далеко не сводимый к объёмам землеустроительных работ и числу крестьян-переселенцев, и оценить итоги развития аграрного сектора на примере Южного Урала — одного из важных сельскохозяйственных районов страны.

Ключевые слова: столыпинская аграрная реформа, агротехнологическая революция в России, участковая агрономия, кооперация, частное землевладение, Южный Урал, Оренбургское казачье войско, П. А. Столыпин

Для цитирования: Назыров П. Ф. Столыпинская аграрная реформа и Южный Урал: не оценённые итоги // *Magistra Vitae: электронный журнал по историческим наукам и археологии. 2024. Т. 9, вып. 1. С. 56–65.* URL: <https://www.magistravitaejournal.ru/ru/archive/37-magistra-vitae-1-2024.html>. DOI: 10.47475/2542-0275-2024-9-1-56-65

Original article

STOLYPIN AGRARIAN REFORM AND THE SOUTHERN URALS: UNDERAPPRECIATED RESULTS

Pavel F. Nazyrov

Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia, pfnazyrov@mail.ru, ORCID 0000-0003-0431-1431

Abstract. The socio-economic evolution of the Russian village in the early 20th century was influenced by the Stolypin agrarian reform, which determined the general vector of modernization processes both at the Russian and regional levels. Their comparative examination makes it possible to concretize general ideas, to see not only contradictions, but also the actual perception, the “response” of the village to the government course, which is far from being reducible to the volume of land management work and the number of migrant peasants. This is especially noticeable in the example of the Southern Urals, whose villages did not know large-scale serfdom and its “relics” that hampered the modernization of agriculture. The processes of agrarian modernization even captured relatively “closed” groups of the mining, Bashkir and Cossack populations. The effectiveness of transformations in the region was also affected by other factors that accelerated the commercialization of the agricultural sector: the construction of the Trans-Siberian Railway, the technical revolution in the processes of processing and storage of agricultural products, the development of cooperation and small credit. Taken in their totality, they mutually conditioned each other and require a thorough study of the entire context of the transformations, an assessment of the relationship between various processes and new phenomena in the socio-economic life of the country at the beginning of the 20th century.

Keywords: Stolypin’s agrarian reform, agro-technological revolution in Russia, district agronomy, cooperation, private land ownership, Southern Urals, Orenburg Cossack Army, P. A. Stolypin

For citation: Nazyrov PF. Stolypin Agrarian Reform and the Southern Urals: Underappreciated Results. *Magistra Vitae: electronic journal of historical sciences and archaeology. 2024;9(1):56-65.* (In Russ.). URL: <https://www.magistravitaejournal.ru/ru/archive/37-magistra-vitae-1-2024.html>. DOI: 10.47475/2542-0275-2024-9-1-56-65

Введение

Столыпинская аграрная реформа была одним из наиболее масштабных реформаторских проектов поздней Российской империи, значимость которого хорошо понимали уже современники, как сторонники, так и противники реформы. Хорошо известная оценка В. И. Лениным реформы как «последнего клапана» царизма — оценка, на долгие годы ставшая лейтмотивом отечественной историографии. Тем не менее в наиболее глубоких исследованиях советского периода, выполненных как на российских, так и на региональных материалах (Г. А. Герасименко, Х. Ф. Усманов и др.), их авторы стремились уйти от сведения аграрного реформирования только и исключительно к процессам землеустройства, формирования единоличных крестьянских хозяйств и крестьянских переселений в Сибирь, подчёркивая набиравшие силу социально-экономические и агротехнологические изменения в жизни российской деревни¹. В ряде современных исследований реформа и её отдельные аспекты рассматриваются уже как системная часть общего аграрного курса, в тесной связи с которым находились развёртывание масштабной агрономической помощи и даже развитие массового кооперативного движения, получившего поддержку и благожелательный «нейтралитет» правительственных структур [Щагин, 1994; Тюкавкин, 2001; Мацузато, 1992; Белянин, 2020; Коновалов, 2022 и др.]. По мнению одного из ведущих исследователей вопроса, М. А. Давыдова, реформа положила начало агротехнологической революции в России и одновременно стала принципиальным рубежом в ликвидации сословно-тяглового строя, резко усилив интеграцию крестьянства в общегосударственное правовое пространство [Давыдов, 2020, с. 35].

Вместе с тем формирующийся новый подход в изучении проблемы, предполагающий рассмотрение столыпинских преобразований в широком контексте социально-экономической и политической модернизации страны, и сегодня сталкивает-

¹ Из числа «условно советских» авторов 1920-х гг., разделявших оптимистическую оценку столыпинского реформирования и в значительной степени предвосхитивших рассматриваемый в нашей статье подход, следует назвать Л. Н. Литошенко, в прошлом известного околосредового экономиста и публициста, рукопись книги которого увидела свет только в 2001 г. (См.: Литошенко Л. Н. Социализация земли в России. Новосибирск : Сибирский хронограф, 2001. 536 с.)

ся с инерцией сложившихся за многие десятилетия представлений, по-прежнему сохраняющихся в массиве как «рядовых» научных публикаций, так и в учебной литературе. Мы намеренно не касаемся сейчас околосредовой и политически ангажированной публицистики, в которой немало как «обличительных», так и апологетических публикаций, а говорим именно о научно-ориентированных работах. Даже в диссертационных исследованиях двух последних десятилетий, выполненных на региональных (в том числе «уральских») материалах, заметны традиционная привязка оценки аграрного реформирования к формальным количественным итогам землеустроительных работ, связанных с выходом из общины и переселенческим движением, и, как следствие, выводы о его «неорганизованности» и «непродуманности» и «незначительности» его результатов [Галиева, Земельная политика..., 2006; Крайнова, 2016]. Справедливости ради надо отметить, что выводы А. Е. Крайновой применительно к характеристике переселенческого движения выглядят более оптимистично, поскольку «в результате аграрной реформы значительная часть крестьянства смогла улучшить своё материальное положение, переселившись за Урал» [Крайнова, 2016, с. 51].

Важным вопросом является и определение роли «попутных ветров» реформы — прежде всего существенного положительного изменения конъюнктуры мирового и российского зернового рынка после кризиса 1880-х — 1890-х гг. И. А. Кузнецовым высказано мнение о том, что институциональные преобразования в первые годы реформы неизбежно (за счёт инерционности и сложности перестройки сельского хозяйства) оказывали дезорганизующий эффект, а рост сельскохозяйственного производства вызывался другими факторами [Кузнецов И. А., 2013, с. 153]. Для М. И. Роднова основная заслуга П. А. Столыпина, напротив, заключалась в том, что он во многом создал благоприятные условия и легализовал уже набиравшие силу в развитых аграрных районах процессы [Роднов М. И., 2013, с. 207].

Интересным, но весьма спорным, на наш взгляд, примером использования количественных методов для оценки итогов реформы — по взаимосвязи процента выхода из общины и роста урожайности зерновых и технических культур — может служить статья уральского мэтра экономической истории С. А. Нефедова. Тем не менее автор уверенно делает вывод, что «в действительности

рост урожайности сельскохозяйственных культур не был связан с реформой Столыпина», хотя и отмечает, что «направленная на преодоление аграрного перенаселения реформа добилась определённого успеха» [Нефедов, 2021, с. 181–182].

При этом сам период активного реформирования не превышал семи лет — менее смены одного поколения сельских хозяев и двух пятилетних циклов естественного колебания урожайности — и был деформирован начавшейся мировой войной, а затем и аграрной революцией, что, безусловно, затрудняет его корректную научную оценку. Сложившаяся историографическая ситуация, по нашему мнению, делает актуальным новое обращение к оценке прямых и косвенных итогов реформы на примере аграрного развития Южного Урала — являвшегося в начале XX в. частью нового, быстро формирующегося аграрного района на востоке страны. Дополнительную специфику региону придавали фактическое отсутствие «крепостнических пережитков» и сохраняющееся «фронтирное наследие» в лице башкирского и казачьего землевладения¹.

Результаты исследования и обсуждение

Личность П. А. Столыпина (1862–1911 гг., премьер-министр России в 1906–1911 гг.) и сегодня оценивается неоднозначно. Однако и противники, и сторонники его курса признают масштаб этой исторической личности. В истории России Пётр Аркадьевич остался государственным реформатором, пытавшимся изменить сами социально-экономические основы существовавшего в стране строя. Первый публичный политик и фактически основоположник публичной политики в России, он выделялся из череды государственных деятелей личным мужеством и даже бесстрашием, чувством глубокой ответственности за дело, которым занимался и в исторической перспективности которого был уверен.

Стержнем государственной деятельности П. А. Столыпина стала аграрная реформа. Борьба с революцией и первые уроки парламентаризма — когда российскому правительству далеко не всегда удавалось действовать в «белых перчатках» — были в конечном итоге подчинены главной задаче постепенного преобразования

крестьянско-земледельческой страны в современное государство. Реформирование аграрного строя в этой связи имело огромное значение, ибо позволяло не только создать современное сельское хозяйство, избавить страну от угрозы голода и обеспечить источники её экономического развития, но и заложить основы новых общественных отношений. Увязка этого перехода к «гражданственности» с созданием из бывшего крепостного крестьянина «гражданина», была одной из главных идей реформатора.

Важно при этом отметить, что культура российского общества в целом оставалась патерналистской, этатистски ориентированной на участие государства в социально-экономической жизни и сохранение разнообразных традиционных коллективных форм социального взаимодействия как в городе, так и на селе. Патерналистами были и русские цари — Александр III и Николай II. Либеральное экономическое реформирование страны, начатое ещё в XIX в., не могло не приходиться в противоречие с сохранением патерналистских отношений в социальной сфере и патерналистских ожиданий населения, служивших фундаментом народного монархизма [Карпачёв, 2003, с. 229–230].

Именно этими обстоятельствами объясняется и консервативный социальный курс рубежа веков — сохранение круговой поруки и поддержка крестьянской общины в деревне, постепенно набравшая обороты активность правительства в рабочем вопросе, кульминацией которой стала «зубатовщина» — создание проправительственных рабочих организаций и содействие им со стороны полицейского аппарата империи.

Пересмотр консервативно-попечительской линии правительства под нажимом предпринимательских кругов и С. Ю. Витте, особенно после убийств великого князя Сергея Александровича и В. К. Плеве, фактически спровоцировали начало первой русской революции. Девятого января 1905 г. в Петербурге был расстрелян рабочий патернализм. Что касается крестьянского патернализма, то его крушение во многом было связано со столыпинской аграрной реформой. Наступление на общину и внедрение в крестьянскую среду института «личной собственности», ставка на «трезвых и сильных» означали пересмотр всей традиционной системы отношений между самодержавием и сельским миром. Оставался открытым вопрос: что делать «слабым»? Общинно-передельные районы, по мнению современников, были наиболее проблемными в хозяйствен-

¹ Некоторые положения, лёгшие в основу статьи, были озвучены в докладе автора на российской конференции 2012 г., посвящённой Году истории, и впоследствии опубликованы в виде лекции в сборнике трудов кафедры новейшей истории России ЧелГУ в 2013 г.

ном отношении [Ольденбург, 1991, с. 76–77]. При этом курс на создание эффективного индивидуализированного сельского хозяйства парадоксальным образом оказался направлен против целого поколения крестьянской молодёжи, жизненные стратегии которой так или иначе были связаны с перераспределением надельной земли [Зырянов, 1992, с. 113]. Прекращение земельных переделов и укрепление общинных земель в личную собственность, перепродажа в руки имущих крестьян, через посредство Крестьянского банка, значительной части помещичьих владений обогривались разочарованием и малоземельем для тех, кто оставался в общине и выступал за сохранение земельной уравнительности.

Сам реформатор мечтал о «20 годах покоя» для закрепления результатов реформ. Однако в условиях демографического взрыва ни быстрое экономическое развитие России, ни перемещение «избыточных рук» за Урал не могли полностью решить проблему аграрного перенаселения. Фактически столыпинская реформа, вместе с начавшейся в 1914 г. мировой войной, стали главными факторами политизации деревни и второй русской революции, приведшей к крушению монархии.

Вместе с тем было бы неправильным сводить значение столыпинской реформы только к усилению противоречий российского общества. Реформа существенно ускорила развитие аграрного сектора, положив начало первому этапу технологической революции в сельском хозяйстве. Значительно выросла урожайность, изменилось и культурное лицо российского села. В условиях реформы существенно (с учётом региональных особенностей) оказалась свёрнутой и передельная активность крестьянской общины. Это вкупе с возможностью перехода длительно непереходящейся земли в подворное владение вело к изменению юридического статуса находившихся в распоряжении крестьянства общинных земель. Не случайно именно с отсутствием теперь необходимости совершать акт «укрепления» надела в личную собственность современники связывали и значительное сокращение числа «укрепленцев» после 1910 г. [Чернышов, 1917, с. XIV].

Влияние реформы проявилось даже в восточных районах страны, в основном не знавших крепостного права, малоземелья и помещичьего землевладения, к числу которых относился и Южный Урал.

Восток страны занимал в планах развития империи особое место. Не случайно именно на Урал и в Сибирь была совершена единствен-

ная крупная поездка премьера по стране. Задача внутренней колонизации огромных территорий была очень важной как с экономической, так и с геополитической точек зрения, для реализации обозначившегося на рубеже веков «восточного вектора» движения страны. Крупнейшим в истории железнодорожным проектом стал Транссиб, сооружённый в 1892–1903 (1915) гг., и связавший губернии Азиатской России с её центром и зарубежными рынками. Экспорт хлеба и других продуктов сельского хозяйства, а также массовое переселение крестьян стали важнейшими факторами развития урало-сибирской деревни.

При рассмотрении реализации реформы в южноуральском регионе следует различать её непосредственные результаты и опосредованное влияние на развитие села. Первые (непосредственные итоги) оказались весьма скромными и в целом соответствовали общероссийским показателям. Число крестьян, вышедших из общины и укрепивших землю в личную собственность, было сравнительно невелико и формально составило 14,8 % хозяйств в Уфимской и около 10,5 % хозяйств в Оренбургской губерниях¹. Формально, потому что, по данным Е. Б. Галиевой, за вычетом населения, проживавшего на башкирских и казачьих землях, а также крестьян-переселенцев, в Оренбургской губернии вышло из общины и укрепило землю около 30 % *местных* крестьянских надельных дворов [Галиева, Аграрная политика..., 2006, с. 181]². Аналогичная картина, вероятно, наблюдалась и в соседней Уфимской губернии, в южных, наиболее развитых в аграрном отношении уездах которой, по сведениям М. И. Роднова, из общины вышло от 16 до 23 % *всех* крестьянских дворов, укрепивших от 13 до 32 % *надельных* земель [Роднов М. И., 2013, с. 206]. При этом по факту земли большинства «укрепленцев» всё же оставались в границах общественного надела, неземлеустроенными, что отражало осторожно-выжидательное отношение их «владельцев» к реформе (так, в Оренбургской губернии участково-чересполосное землепользование к 1917 г. составляло около 5,9 % общей площади крестьянских земель, тогда как отрубное и хуторское около 2,9 %) [Лабузов, 2004, с. 182].

¹ Россия. 1913 г. : статистико-документальный справочник. СПб., 1995. С. 66, табл. 5.

² Эти данные совпадают с оценкой, данной ещё в 1958 г. Х. Ф. Усмановым. (См.: Столыпинская реформа в Башкирии. Уфа, 1958.)

Важным фактором, влиявшим на ход реформы, была общая земельная обеспеченность уральского села, а также наличие значительного и недорогого арендного земельного фонда в лице башкирских, казачьих и казённых земель. Именно там, на арендуемых или купчих землях, как показывает исследование уфимского историка М. И. Роднова, и складывалось первоначально предпринимательское хозяйство зажиточных крестьян [Роднов, 2002, с. 214–216, 253–254; Роднов, Крупно-крестьянское хозяйство..., 1997, с. 9].

С другой стороны, направленность реформы соответствовала общему характеру эволюции южноуральского села. Так, почти половину (46 %) сельских обществ края составляли беспередельные общины, где земля фактически перешла в наследственное подворное пользование отдельных крестьянских дворов¹. Реформа укрепила преимущественно крестьянский характер частного землевладения — около половины частновладельческих земель в Оренбургской и более двух третей в Уфимской губернии (соответственно 900 000 дес. и 2 085 100 дес.), прежде всего удобных для ведения сельского хозяйства, к началу мировой войны находились в коллективной и личной собственности крестьян, сельских обществ и товариществ². Хотя общинная форма землепользования была преобладающей, в Оренбургской губернии важную роль (19,5 %) играла товарищеская (крестьянские товарищества на совместно купленной или заарендованной земле), в Уфимской губернии — хуторская и отрубная (14,4 %), сосредоточенные в районах товарного земледелия [Лабузов, 2005, с. 44]. По данным оренбургского историка О. С. Смотриной, в результате реформирования (включая покупку) к 1917 г. только в Оренбургской губернии в частной собственности крестьян находилось уже 15,4 % от всей обрабатываемой площади [Смотрина, 2006, с. 65].

Влияние общего духа столыпинской реформы проявилось и в горных округах края, где правительство в 1900-е г. приступило к работе по землеустройству заводского населения. Крупное, латифундиальное по своему характеру заводское землевладение разрушалось, а земельные участ-

ки, находившиеся в пользовании местных жителей, отводились в надел поселковых обществ с передачей в подворное владение. По данным профессора Н. Н. Алеврас, к началу мировой войны землеустроительные работы были практически полностью завершены в казённых и посессионных горных округах и на 11 частных заводах. На 25 из 31 неземлеустроенного предприятия велись межевые работы на основании добровольных договоров с владельцами [Алеврас, 1999, с. 12–13].

Процессы аграрной модернизации захватили даже относительно «закрытые» группы населения, в частности, оренбургское казачество. К 1915 г. 73 % казачьих дворов состояли в кооперативах. Не редкостью были посёлки, где все полевые работы — от пахоты до уборки и обмола — были механизированы и выполнялись усовершенствованным сельскохозяйственным инвентарём, приобретённым при содействии ссуд войскового хозяйственного правления или на кооперативные средства [Назыров, 1997, с. 49–52].

Во многих посёлках был установлен увеличенный (до 50 лет) срок переделов и фактически — наследственный порядок землепользования. Одновременно происходила и мобилизация частного землевладения (прежде всего укрепленных в собственность офицерских участков) в границах Оренбургского казачьего войска. Значительная их часть, расположенная на удобных землях, арендовалась либо переходила путём покупки в руки неказачьего разночинского населения (иногородних), зачастую образовывавших небольшие переселенческие посёлки по периферии станичных наделных земель. К 1917 г. около половины земельных собственников Войска (всего в его границах насчитывалось 96 офицерских и 380 частновладельческих участков, соответственно 38 892,1 и 410 169,6 дес.) составляли крестьянские товарищества, общества и отдельные мелкие собственники [Назыров, 2009, с. 143, 160].

Ещё более масштабным было воздействие на деревню агротехнической и экономической составляющей реформы. В регионе вводилась участковая агрономия, открывались десятки прокатных пунктов инвентаря, сельскохозяйственные общества (в числе которых было и Челябинское уездное), разнообразные курсы. К 1916 г. агрономический аппарат двух южноуральских губерний насчитывал 259 специалистов, работавших в правительственных, земских, казачьих и общественных учреждениях [Андреева, Назыров, 2003, с. 55–56]. Важнейшей частью аграрной

¹ Россия. 1913 г. : статистико-документальный справочник. С. 68, табл. 6.

² Огановский Н. Статистико-экономический очерк Оренбургской губернии // Энциклопедический словарь... Гранат. Т. 30. Стб. 650; Он же. Статистико-экономический очерк Уфимской губернии // Энциклопедический словарь... Гранат. Т. 42. Стб. 518.

инфраструктуры стала кооперация. К началу войны уральские и сибирские кооперативы заняли лидирующие позиции в производстве и сбыте масла и ряда других продуктов. Если в Оренбургской губернии охват населения кредитными кооперативами составлял 35 %, то в «сибирском» по основным своим показателям Челябинском уезде членами кредитных и судо-сберегательных кооперативов состояло 75 % всех крестьянских и казачьих дворов [Смирнов, 1914, с. 17; Нейфельд, 1995, с. 58].

В результате значительная часть южноуральской деревни ориентировалась на рынок. В южной части Уфимского, Стерлитамакском, Златоустовском уездах, на севере Оренбургской губернии и в Зауралье к числу экономически мощных (с посевом более 10 дес.) можно было отнести каждый третий-пятый крестьянский и казачий двор, а крупные (30–50 дес. посева) и сверхкрупные (предпринимательские, фермерские) хозяйства составляли уже 3–5 % [Назыров, 2009, с. 26; Роднов, Крупно-крестьянское хозяйство..., 1997, с. 9; Роднов, Крестьянство Уфимского уезда, 1997, с. 27; Роднов, Дудина, 1988, с. 94; Футорянский, 1992, с. 6–7].

Быстро развивалась в регионе и сельскохозяйственная переработка. По данным Т. К. Махровой, к началу мировой войны вывоз сельскохозяйственного сырья из региона на две трети сменился вывозом готовой продукции — масла, муки, круп и т. д. [Махрова, 2004, с. 177–178].

Можно согласиться с мнением М. А. Давыдова, что реформа уверенно шла вперёд. «Аграрный вопрос, как известно, нельзя было решить. Но его можно было решать. И реформа начала это делать» [Давыдов, 2007, с. 92].

Проверкой устойчивости сформировавшегося в условиях реформы крестьянского хозяйства стал неурожай 1911 г., который, в отличие от 1891–1892 гг., не обернулся голодом и потрясением аграрной экономики края. Даже в условиях мировой войны, несмотря на значительное сокращение посевов, числа работников и поголовья рабочего скота вследствие мобилизаций, сельское хозяйство региона продолжало оставаться мощным источником товарного хлеба. Так, в неурожайный 1916 г., когда сбор хлебов в Оренбуржье уменьшился на 58 %, губерния выполнила требование по поставкам на 92 % [Черепанова, 2003, с. 131–133]. Спустя несколько лет, уже на «излёте» гражданской войны, южноуральская деревня оставалась по-прежнему экономически мощной. Сельскохозяйственная перепись Челя-

бинской губернии, проведённая в 1920 г., сразу после прокатившихся по её территории масштабных боевых действий, показала сохранение посевного клина (92 % от 1916 г.) и товарно ориентированного хозяйства (почти 20 % дворов засевали более 10 дес., и 1,6 % — более 25 дес.)¹. Сохранение крупнотоварного земледелия, ориентированного на рынок, даже в условиях развернувшейся в 1917–1918 гг. аграрной революции показало, что процессы индивидуализации крестьянского хозяйствования стали частью деревенской повседневности и получили в развитых аграрных районах легитимность в глазах сельского общества. Отдалённое «эхо» столыпинских преобразований продолжало ощущаться вплоть до начала массовой коллективизации, сформировавшей иные механизмы социально-экономического развития и модернизации российского села [Назыров, 2013, с. 170–172].

Заключение

Подводя итоги, можно отметить, что столыпинская реформа, безусловно, стала одним из факторов и прямо, и косвенно существенно повлиявших на развитие российского села. В этом смысле она может рассматриваться как катализатор разнонаправленных социально-политических и социально-экономических процессов, далеко выходящих за формальные рамки обычно ассоциируемого с ней набора мероприятий.

Это заметно и на материалах такого специфического региона, как Южный Урал, с одной стороны, не знавшего масштабного крепостного права и, следовательно, и его «пережитков», тормозивших модернизацию сельского хозяйства, а с другой — носившего, благодаря наличию горнозаводского, башкирского и казачьего землевладения, относительно «закрытый» характер. Очевидно также, что на эффективности преобразований в регионе сказывались и другие факторы, ускорявшие коммерциализацию аграрного сектора: сооружение Транссиба, техническая революция в процессах переработки и хранения продуктов животноводства и земледелия, формирование доступного мелкого кредита, преимущественно кооперативного, и пр. Взятые в своей сумме, указанные выше факторы взаимно обуславливали друг друга. В этом смысле наши выводы коррелируют с наблюдениями екатеринбургского историка Е. К. Семериковой, отмечавшей, что

¹ Статистический сборник Челябинской губернии за 1920–1923 гг. Челябинск, 1923. С. 80, табл. 28, С. 160–163, табл. 47 б, 48.

«положительная динамика реформы характеризовалась постоянным ростом крестьянской заинтересованности в предлагаемых государством и земством мероприятиях, повышением уровня сельскохозяйственных знаний, увеличением в крестьянском хозяйстве числа нововведений, ростом ряда показателей сельскохозяйственной статистики, развитием отраслей по переработке сельскохозяйственной продукции» [Семерикова, 2013, с. 24].

Для взвешенной оценки результатов аграрно-реформирования необходим анализ широкого

круга социально-экономических процессов и новых явлений в жизни деревни. Многие из них заявили о себе ещё до начала столыпинских преобразований, для других решающим толчком послужила именно реформа. При этом расширение хронологических границ анализа до 1920-х гг. включительно позволяет увидеть не только непосредственный отклик сельского общества на реформирование, но и оценить его долговременные последствия, устойчивость и постепенное «затухание» новых практик в радикально изменившихся исторических условиях.

Список литературы

1. Алеврас Н. Н. Аграрный курс правительства на горнозаводском Урале: общероссийская тенденция и региональная специфика (конец XIX — начало XX вв.) // Вестник ЧелГУ. Серия 1. История. 1999. № 1. С. 5–14.
2. Андреева Т. А., Назыров П. Ф. Агрономическая служба на Южном Урале (XIX — начало XX в.) // Челябинская область. Энциклопедия. Т. 1. Челябинск, 2003. С. 55–56.
3. Белянин Д. Н. Агротехнические предпосылки Столыпинской аграрной реформы // Вестник Кемеровского государственного университета. 2020. Т. 22, № 4. С. 899–907.
4. Галиева Е. Б. Аграрная политика правительства во второй половине XIX — начале XX века и её реализация на Южном Урале // Вестник ОГУ. № 6. 2006. Т. 1. С. 177–182.
5. Галиева Е. Б. Земельная политика правительства во второй половине XIX — начале XX веков и её осуществление на Южном Урале : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Оренбург, 2006.
6. Давыдов М. А. Аграрная реформа П. А. Столыпина: основные направления и историческое значение // Уральский исторический вестник. 2020. № 1 (66). С. 27–36.
7. Давыдов М. А. Статистика землеустройства в ходе Столыпинской аграрной реформы (1907–1915 годы) // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2007. № 9 (72). С. 86–92.
8. Зырянов П. Н. Крестьянская община Европейской России. М. : Наука, 1992. 256 с.
9. Карпачёв М. Д. Особенности правосознания воронежского крестьянства на рубеже XIX–XX вв. // Землевладение и землепользование в России. Калуга, 2003. С. 229–230.
10. Коновалов И. Н. Влияние столыпинской аграрной реформы на развитие сельскохозяйственной кооперации в России (1906–1914) // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2022. Т. 22, вып. 4. С. 464–469.
11. Крайнова А. Е. Особенности проведения второго этапа столыпинской аграрной реформы на Урале (1911–1916 гг.) // Вестник КГУ им. Н. А. Некрасова. 2016. № 2. С. 49–51.
12. Кузнецов И. А. Земельное производство в России конца XIX — начала XX века: «модернизация Империи» vs «Русская революция» // Крестьянский мир: новые источники и методологические подходы : Вторые чтения, посвящённые 90-летию со дня рождения профессора Хамзы Фатыховича Усманова / ИИЯЛ УНЦ РАН, отв. ред. М. И. Роднов. Уфа : Альфа-реклама, 2013. С. 146–154.
13. Лабузов В. А. Аграрные отношения на Южном Урале в первые десятилетия Советской власти (1917–1932 гг.). Оренбург : ОРЛИТ-А, 2004. 692 с.
14. Лабузов В. А. Деревня Южного Урала в период социальных потрясений и экономических реформ (1917–1930 гг.) : автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Екатеринбург, 2005.
15. Махрова Т. К. Казачество Урала и власть. М. : Глобус, 2004. 364 с.
16. Мацузато К. Столыпинская реформа и российская агротехнологическая революция // Отечественная история. 1992. № 6. С. 194–200.
17. Назыров П. Ф. Аграрная революция и земельно-хозяйственное переустройство южноуральской деревни: «эхо» модернизационных процессов // Крестьянский мир: новые источники и методологические подходы : Вторые чтения, посвящённые 90-летию со дня рождения профессора Хамзы Фатыховича Усманова / ИИЯЛ УНЦ РАН, отв. ред. М. И. Роднов. Уфа : Альфа-реклама, 2013. С. 162–172.

18. Назыров П. Ф. Аграрные отношения на Южном Урале в годы гражданской войны / науч. ред. А. П. Абрамовский. Челябинск : Энциклопедия, 2009. 260 с.
19. Назыров П. Ф. Распространение сельскохозяйственных знаний и развитие агрономии в Оренбургском казачьем войске // Оренбургское казачье войско. Культура. Быт. Обычаи / под ред. А. П. Абрамовского. Челябинск, 1996. С. 35–56.
20. Нейфельд Е. «Народное дело». Кооперация как третий путь // Гостиный двор. 1995. № 3. С. 57–64.
21. Нефедов С. А. К дискуссии о реформе П. А. Столыпина и уровне жизни в России начала XX в. // Уральский исторический вестник. 1921. № 1 (70). С. 178–184.
22. Ольденбург С. С. Царствование императора Николая II. СПб. : Петрополь, 1991. 672 с.
23. Роднов М. И. Крестьянство Уфимской губернии в начале XX века (1900–1917 гг.): социальная структура, социальные отношения. Уфа : ДизайнПолиграфСервис, 2002. 314 с.
24. Роднов М. И. Крупно-крестьянское хозяйство Стерлитамакского уезда по переписи 1917 года. Уфа : Нур-Полиграфиздат, 1997. 148 с.
25. Роднов М. И. Крестьянство Уфимского уезда по переписи 1917 г. Уфа : Нур-Полиграфиздат, 1997. 192 с.
26. Роднов М. И. Столыпинская реформа на Южном Урале в трудах Х. Ф. Усманова: научное наследие // Крестьянский мир: новые источники и методологические подходы. Вторые чтения, посвящённые 90-летию со дня рождения профессора Хамзы Фатыховича Усманова / ИИЯЛ УНЦ РАН, отв. ред. М. И. Роднов. Уфа : Альфа-реклама, 2013. С. 201–207.
27. Роднов М. И., Дудина О. И. Вариационная группировка крестьянских хозяйств Уфимской губернии (по данным переписи 1917 г.) // Социальные и этнические аспекты истории Башкирии. Уфа, 1988. С. 91–96.
28. Семерикова Е. К. Реализация столыпинской аграрной реформы на Урале (Вятская и Пермская губернии) в 1906–1917 гг. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 2013.
29. Смирнов В. М. Очерк развития кооперации среди крестьян Челябинского уезда. Челябинск : Печатное дело, 1914. 177 с.
30. Смотрина О. С. Частное землевладение крестьянских хозяйств Оренбургской губернии в начале XX века // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. 2006. № 1 (43). С. 61–67.
31. Тюкавкин В. Г. Великорусское крестьянство и Столыпинская аграрная реформа. М. : Памятники исторической мысли, 2001. 304 с.
32. Футорянский Л. И. Предпринимательские хозяйства в Оренбургском казачестве в конце XIX — начале XX вв. // Казачество Оренбургского края XVI–XX веков. Оренбург, 1992. С. 6–7.
33. Чернышов И. В. Община после 9 ноября 1906 года (По анкете Вольного экономического общества): в 2 т. Пг., 1917. Ч. 1. XXVIII, 196 с.
34. Щагин Э. М. Об опыте и уроках столыпинской аграрной реформы // Власть и общественные организации России в первой трети XX столетия / ред. В. П. Данилов. М., 1994. С. 40–65.
35. Черепанова Т. А. Кризис сельского хозяйства в годы первой мировой войны и социальная активность масс // Труды института крестьяноведения Южного Урала. Вып. 1. Оренбург, 2003. С. 129–136.

References

1. Alevras NN. Agrarian policy of the government in the mining Urals: all-Russian trend and regional specifics (late 19th — early 20th centuries). *Vestnik ChelGU. Serija 1. Istorija* = Bulletin of ChelSU. Series 1. History. 1999;(1):5-14 (In Russ.).
2. Andreeva TA, Nazyrov PF. Agronomic service in the Southern Urals (19th — early 20th centuries). In: Chelabinskaja oblast'. Enciklopedija = Chelyabinsk region. Encyclopedia. Vol. 1. Chelyabinsk, 2003. Pp. 55–56. (In Russ.).
3. Beljanin DN. Agrotechnical preconditions of the Stolypin agrarian reform. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta* = Bulletin of Kemerovo State University. 2020;22(4):899-907. (In Russ.).
4. Galieva EB. Agrarian policy of the government in the second half of the 19th — early 20th centuries and its implementation in the Southern Urals. *Vestnik OGU* = Bulletin of OSU. 2006;1(66):177-182. (In Russ.).
5. Galieva EB. Zemel'naja politika pravitel'stva vo vtoroj polovine XIX — nachale XX vekov i ee osu-

shhestvlenie na Juzhnom Urale = Land policy of the government in the second half of the 19th — early 20th centuries and its implementation in the Southern Urals. Abstract. Orenburg; 2006. (In Russ.).

6. Davydov MA. Agrarian reform of P. A. Stolypin: main directions and historical significance. *Ural'skij istoricheskij vestnik* = Ural Historical Bulletin. 2020;(1(66):27-36. (In Russ.).

7. Davydov MA. Land management statistics during the Stolypin agrarian reform (1907–1915). *Imushhestvennye otnoshenija v Rossijskoj Federacii* = Property relations in the Russian Federation. 2007;(9(72):86-92. (In Russ.).

8. Zyrjanov PN. Krest'janskaja obshhina Evropejskoj Rossii = Peasant community of European Russia. Moscow; 1992. 256 p. (In Russ.).

9. Karpachjov MD. Features of the legal consciousness of the Voronezh peasantry at the turn of the 19th — 20th centuries. In: *Zemlevladienie i zemlepol'zovanie v Rossii* = Land tenure and land use in Russia. Kaluga, 2003. Pp. 229–230. (In Russ.).

10. Kononov IN. The influence of the Stolypin agrarian reform on the development of agricultural cooperation in Russia (1906–1914). *Izvestija Saratovskogo universiteta. Novaja serija. Serija: Istorija. Mezhdunarodnye otnoshenija* = News of Saratov University. New episode. Series: History. International relationships. 2022;22(4):464-469. (In Russ.).

11. Krajnova AE. Features of the second stage of the Stolypin agrarian reform in the Urals (1911–1916). *Vestnik KGU im. N. A. Nekrasova* = Bulletin of KSU named after. ON THE. Nekrasova. 2016;(2):49-51. (In Russ.).

12. Kuznetsov IA. Land production in Russia at the end of the 19th — beginning of the 20th centuries: “modernization of the Empire” vs. “Russian Revolution”. In: *Krest'janskij mir: novye istochniki i metodologicheskie podhody. Vtorye chtenija, posvjashhjonnye 90-letiju so dnja rozhdenija professora Hamzy Fatyhoviča Usmanova*. IJJaL UNC RAN, otv. red. M. I. Rodnov = Peasant world: new sources and methodological approaches. Second readings dedicated to the 90th anniversary of the birth of Professor Khamza Fatykhovich Usmanov. IHL UC RAS, resp. ed. M. I. Rodnov. Ufa, Alfa-reklama, 2013; 146–154. (In Russ.).

13. Labuzov VA. Agrarnye otnosheniya na Juzhnom Urale v pervye desyatiletija Sovetskoj vlasti (1917–1932 gg.) = Agrarian relations in the Southern Urals in the first decades of Soviet power (1917–1932). Orenburg; 2004. 692 p. (In Russ.).

14. Labuzov VA. Derevnja Juzhnogo Urala v period social'nyh potrjasenij i jekonomicheskikh reform (1917–1930 gg.) = Village of the Southern Urals during the period of social upheavals and economic reforms (1917–1930). Abstract. Yekaterinburg; 2005. (In Russ.).

15. Mahrova TK. Kazachestvo Urala i vlast' = Makhrova T. K. Cossacks of the Urals and power. Moscow; 2004. 364 p. (In Russ.).

16. Macuzato K. Stolypin reform and Russian agrotechnological revolution. *Otechestvennaja istorija* = Domestic history. 1992;(6):194-200. (In Russ.).

17. Nazyrov PF. Agrarian revolution and land and economic reorganization of the South Ural village: “echo” of modernization processes. In: *Krest'janskij mir: novye istochniki i metodologicheskie podhody. Vtorye chtenija, posvjashhjonnye 90-letiju so dnja rozhdenija professora Hamzy Fatyhoviča Usmanova*. IJJaL UNC RAN, otv. red. M. I. Rodnov = Peasant world: new sources and methodological approaches. Second readings dedicated to the 90th anniversary of the birth of Professor Khamza Fatykhovich Usmanov. IHL UC RAS, resp. ed. M. I. Rodnov. Ufa; 2013. Pp. 162–172. (In Russ.).

18. Nazyrov PF. Agrarnye otnosheniya na Juzhnom Urale v gody grazhdanskoj vojny. Nauch. red. A. P. Abramovskij = Agrarian relations in the Southern Urals during the civil war. Scientific. ed. A. P. Abramovsky. Chelyabinsk; 2009. 260 p. (In Russ.).

19. Nazyrov PF. Dissemination of agricultural knowledge and development of agronomy in the Orenburg Cossack army. In: *Orenburgskoe kazach'e vojsko. kul'tura. Byt. Obychai*. Pod red. A. P. Abramovskogo = Orenburg Cossack army. culture. Life Customs. Ed. A. P. Abramovsky. Chelyabinsk; 1996. Pp. 35–56. (In Russ.).

20. Nejfel'd E. “People’s Cause.” Cooperation as a third way. *Gostinyj Dvor* = Gostinyj dvor. 1995;(3):57-64. (In Russ.).

21. Nefedov SA. On the discussion about the reform of P. A. Stolypin and the standard of living in Russia at the beginning of the 20th century. *Ural'skij istoricheskij vestnik* = Ural Historical Bulletin. 1921;(1(70):178-184. (In Russ.).

22. Ol'denburg SS. Carstvovanie imperatora Nikolaja II = Reign of Emperor Nicholas II. St. Petersburg; 1991. 672 p. (In Russ.).

23. Rodnov MI. Krest'janstvo Ufimskoj gubernii v nachale XX veka (1900–1917 gg.): social'naja struktura, social'nye otnoshenija = Peasantry of the Ufa province at the beginning of the 20th century (1900–1917): social structure, social relations. Ufa; 2002. 314 p. (In Russ.).

24. Rodnov MI. Krupno-krest'janskoe hozjajstvo Sterlitamaskogo uezda po perepisi 1917 goda = Large-scale peasant economy of Sterlitamak district according to the 1917 census. Ufa; 1997. 148 p. (In Russ.).

25. Rodnov MI. Krest'janstvo Ufimskogo uezda po perepisi 1917 g. = Peasantry of the Ufa district according to the 1917 census. Ufa; 1997. 192 p. (In Russ.).

26. Rodnov MI. Stolypin reform in the Southern Urals in the works of Kh. F. Usmanov: scientific heritage. In: Krest'janskij mir: novye istochniki i metodologicheskie podhody. Vtorye chtenija, posvjashhjonnye 90-letiju so dnja rozhdenija professora Hamzy Fatyhovicha Usmanova. IJaL UNC RAN, otv. red. M. I. Rodnov = Peasant world: new sources and methodological approaches. Second readings dedicated to the 90th anniversary of the birth of Professor Khamza Fatykhovich Usmanov. IHL UC RAS, resp. ed. M. I. Rodnov. Ufa; 2013. Pp. 201–207. (In Russ.).

27. Rodnov MI, Dudina O. I. Variational grouping of peasant farms in the Ufa province (according to the 1917 census). In: Social'nye i jetnicheskie aspekty istorii Bashkirii = Social and ethnic aspects of the history of Bashkiria. Ufa; 1988. Pp. 91–96. (In Russ.).

28. Semerikova EK. Realizacija stolypinskoj agrarnoj reformy na Urale (Vjatskaja i Permskaja gubernii) v 1906–1917 gg. = Implementation of the Stolypin agrarian reform in the Urals (Vyatka and Perm provinces) in 1906–1917. Abstract. Yekaterinburg; 2013. (In Russ.).

29. Smirnov VM. Oчерк razvitija kooperacii sredi krest'jan Cheljabinskogo uezda = Essay on the development of cooperation among peasants of the Chelyabinsk district. Chelyabinsk; 1914. 177 p. (In Russ.).

30. Smotrina OS. Private land ownership of peasant farms in the Orenburg province at the beginning of the 20th century. *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* = Bulletin of the Orenburg State Pedagogical University. 2006;(1(43):61–67. (In Russ.).

31. Tjukavkin VG. Velikorusskoe krest'janstvo i Stolypinskaja agrarnaja reforma = Great Russian peasantry and Stolypin agrarian reform. Moscow; 2001. 304 p. (In Russ.).

32. Futorjanskij LI. Entrepreneurial farms in the Orenburg Cossacks at the end of the 19th — beginning of the 20th centuries. In: Kazachestvo Orenburgskogo kraja XVI–XX vekov = Cossacks of the Orenburg region of the 16th–20th centuries. Orenburg; 1992. Pp. 6–7. (In Russ.).

33. Chernyshov IV. Obshhina posle 9 nojabrja 1906 goda (Po ankete Vol'nogo jekonomicheskogo obshestva) = Community after November 9, 1906 (According to the questionnaire of the Free Economic Society): in 2 volumes. Petrograd, 1917. Part 1. XXVIII, 196 p. (In Russ.).

34. Shhagin JeM. About the experience and lessons of the Stolypin agrarian reform. In: Vlast' i obshhestvennyye organizacii Rossii v pervoj treti XX stoletija = Power and public organizations of Russia in the first third of the 20th century. Ed. V. P. Danilov. Moscow; 1994. Pp. 40–65. (In Russ.).

35. Cherepanova TA. The crisis of agriculture during the First World War and the social activity of the masses. In: Trudy instituta krest'janovedenija Juzhnogo Urala = Proceedings of the Institute of Peasant Studies of the Southern Urals. Vol. 1. Orenburg, 2003. 129–136. (In Russ.).

Информация об авторе

П. Ф. Назыров — кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России и зарубежных стран историко-филологического факультета.

Information about the author

P. F. Nazyrov — Candidate of Historical Sciences, Docent of the Department of History of Russia and Foreign Countries Faculty of History and Philology.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.